

фиктивный мандат Гулячкина, выписанный героем самому себе, а мандат, выданный самой историей. Появление Фосфорической женщины предотвращает самоубийство Поли, к которому ее ведет главначупис, и переводит весь победоносиковский лагерь в разряд самоубийц перед лицом движения Времени. Сама эта ситуация объективно полемична "Самоубийце", о замысле которого Маяковский, возможно, знал от Мейерхольда, а может, и от самого Эрдмана, ведь отношения комедиографов при всем соперничестве были достаточно доверительными, напомним, что автор "Бани" своего коллегу вместе с И.Ильинским пригласил на прочтение пьесы только для них двоих. Возможно и обратное воздействие - знакомство с "Баней" могло укрепить Эрдмана в полемическом развертывании ситуации самоубийства и открытой игре - аналогично Маяковскому - с классическим литературным источником ("Бесы" Достоевского) вплоть до прямого травестирования фрагментов из него.

Эрдман с потрясающей смелостью в "Самоубийце" показал, что любые политические лозунги могут эксплуатироваться любыми людьми, что можно от имени любого класса, слоя, прослойки, присваивая их интересы, судьбу и историю, профанировать все и вся - и пределов этой игре сознания нет. Он комедийно исследовал механизмы идеологизации сознания человека, человека-массы и продемонстрировал, как можно опустошенно бряцать чужой идеологией, которая даже фабульно направлена против человека и в результате приводит как к фиктивной, так и к реальной жертве. Эрдман затронул священные и тайные механизмы существования большевистского режима и потому стал впрямую опасен для него.

О.К.Лагунова

"ВЕТЕР" И "ПАРУС" В ХАНТЫЙСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ

(опыт сопоставительного анализа)

Так как слово в поэзии - это прежде всего "слово с проявленной ценностью" (Л.Я.Гинзбург), то сопоставительное изучение отдельных "гнездовых" для национального сознания понятий, функционирующих в поэзии, способно дать

надежный и разнообразный материал для суждений о разности и сходстве ментальностей народов России, тем более проживающих в одном регионе, вступающих в непосредственное культурное взаимодействие как минимум на уровне мастеров слова.

Для Тюменского региона эти процессы достаточно типичны, они закреплены в структуре строения области и потому особо актуальны, а значит, требуют изучения. Из крупных поэтов Тюменского Севера, пожалуй, только Юрий Вэйла и Андрей Тарханов оригинально пишут на русском языке, другие же поэты доходят до русского читателя через переводы (при этом степень трансформации оригинала трудно определить). Кроме того, сами поэты народов Севера сознательно вписывают себя в русскую поэтическую традицию или (как минимум) не противопоставляют себя ей. Об этом свидетельствует, например, признание лирического героя хантыйского поэта Романа Ругина: "Я, как все поэты, осень славлю". Само это время года по сравнению с другими представлено в стихах его итогового сборника "Многодумная Обь" более чем скромно, то есть "слава осени" не находит конкретной реализации в отличие от зимы и весны. Очевидно, что данное признание рождено связью именно с русской традицией и уважением к ней. Это же касается и такого уподобления, как "душа осиною горит", единственного словоупотребления "осина" на весь сборник в отличие от других деревьев, что свидетельствует о "русском следе" и в данной строке.

Использование слова *ветер* в русской поэзии достаточно обследовано (Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979. С.153-177; Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1988. С.334). По Г.Гачеву, ветер - "второй после Света бог в русском пантеоне"; "ветер непрерывно роет широту и беспредельность, неоконченность - в существе русского человека"; "русский человек - молекула, квант, испускающий в мир ветер, - и тем со-творец беспредельности, соучастник ее преступлений в миропорядке"; "русский человек питает собой ветер и оттого он столь родной и многоглаголющий". Вот почему слово "ветер" обрастает в русской поэзии десятками эпитетов, сравнений, сочетаний с генитивом, паронимическими аттрактантами, формулами и другими преобразованиями (В.П.Григорьев).

В творчестве же крупнейшего хантыйского поэта Романа Ругина понятие "ветер" практически освобождено от эпитетов, а если они есть, то безоценочны и несубъективны (исключение - *безногий*), указывают его направленность (*попутный*), осязательность (*студеный*), сезонность (*парусный*). В русской поэзии только у В.Луговского был упомянут "парусный ветер тропиков". У Ругина однако есть два случая оценочно-субъективных эпитетов. Так, "северный ветер" у него тождественен с обратным знаком оптимизму формулы "ветер перемен", "ветер времени": *"как северный ветер, научный прогресс к молитвам и мифам гасил интерес"*. И второй случай: *"Не пугай меня, западный, "каменный" ветер!"*. Идеологизированное употребление слова "ветер" дважды связано с осознанием опасностей воздействия западнической техногенной цивилизации на естественную жизнь аборигенов. В остальных случаях "ветер" не выходит из предметно-природного ряда: непогода мчится, *"на ветер будто бы лыжи надев"*; *"от ветра, как бубен, дома гудят"*; *"ветер суетится, как кедровка"*; *"ветер подует чуть - ходит волна, легка, каждая - словно грудь, полная молока"*. Примечательно, что "ветер" везде сопряжен с приметами жизни хантыйского народа (лыжи, бубен, кедровка, волна) и сферы бытования этих примет различны (рукотворные предметы повседневной жизнедеятельности и праздничного таинства, нерукотворная фауна и среда). Субъективное соотнесение понятий "ветер" и "человек" дано чаще опосредованно. Волна напоминает грудь, полную молока, только в движении, порождаемом ветром; ветер, будучи лишь одним из признаков непогоды, кажется передвигающимся на лыжах; парусные ветры освобождают человека от комаров, *"как помощь быстрая, живая"*, для рыбаков же эти ветра - *"долгая морока"*, и потому они ждут их окончания как праздника - бодреют, *"словно ковш березового сока поднесли им посреди реки"*. И только "ветерки", живущие в траве тех мест, где стояло родное селение, кажутся лирическому герою "младшими братьями". Здесь "память земли" роднит человека с ветром, причем в данном контексте ветер ослаблен, ласков и множествен, братски приемлем. Отношения между словами *ветер* и *парус* в русской поэзии, считает В.Григорьев, нельзя считать формульными, тем не менее он их обозначает как "вечную тему" и почему-то помещает в параграф под название "Формулы". Если для русской поэзии

важно прежде всего воздействие ветра на парус или их взаимосвязь, то для хантыйского поэта Романа Рутина воздействие ветра на парус не является предметом изображения (предметом интереса), оно чаще обратное, то есть парус воздействует на ветер (*"солнечный лучик и ветер безногий зажал он, как прежде, в тугую ладонь"*; *"как ветер схватывал ты ловко в свою широкую ладонь"*), или опускается (*"розовел ты над волнами, ловя полотнищем зарю"*; *"лучами солнца обцелован и влажной пылью освежен"*). Парус предстает как самостоятельное цельное по своим качествам явление, которое становится центром самых разнородных сравнений. Огонь, лес, нарты, пар из ноздрей передового оленя, хвосты птиц, кроны деревьев - все это сравнивается с ним: *"и огонь, как алый парус, вдаль меня несет сквозь тьму"*; *"и загудел, как парус, лес на кручах"*; *"нарты скользили, как под парусами"*; *"пусть бьется над тобой, как белокрылый парус, густой свистящий пар из пламенных ноздрей передового оленя"*; *"хвосты распускаются, как паруса"*; *"кроны пушистые, как паруса, ввысь уносили меня"*. И только однажды летящий парус сам уподобляется чему-либо (быстрой чайке). Вместе с тем, аналогично русской традиции, парус у Р.Рутина обладает тенденцией к символизации: *"Искусству двигательной силой пусть будет парус - не мотор"*. Оппозиция "естественно-природное - техника" воплощена в противопоставлении паруса мотору, где парус содержит дополнительные семы: духовность, человечность, традиционность, творчество, работоспособность - возможно, не без влияния русской традиции. Так как для хантов нет никакой иерархии, и вся "жизнь - в движении, в изменении" (В.М.Кулемзин, Н.В.Лукина), поэтому необходимости выделять слова *ветер* и *парус* в качестве особо подвижных нет, раз все явления мыслятся как сущностно подвижные.

Накопление конкретного сопоставительного материала по "гнездовым" понятиям в поэзии народов Тюменского региона (ханты, ненцы, манси, татары, русские и др.) позволит в перспективе подготовить специальный словарь, который будет представлять не узко филологический интерес, а может иметь и общенациональное значение.